

Институт
Современного
Развития

Никита Масленников

Россия и глобальная экономика. Взгляд из августа-2019

В книге «At a Crossroads. Russia in the Global Economy» мы попытались ответить на несколько вопросов. Во-первых, как содержательно складывается нынешний глобальный маршрут *per aspera ad astra*, на котором уже начинают просматриваться черты нового облика мирохозяйственного порядка? Во-вторых, как этот исторический процесс влияет на национальные экономики и почему на очевидные структурные вызовы запаздывают адекватные реакции в перезагрузке регулятивных практик, обновлении правил и институтов и т. п.? Наконец, главное, как «очная ставка» России со всеми этими обстоятельствами влияет на ее движение к новой модели развития?

Понятно, что наша версия одна из многих. И наравне с другими она также промежуточная, поскольку сформирована на основе столкновения неопределенностей и неоднозначностей в наблюдаемых макротрендах, в обновлении смыслов различных видов экономической деятельности и регулятивных усилий «директивных инстанций» (во всем мировом многообразии их институциональных дизайнов), и, конечно, в постоянно меняющихся балансах возможностей и рисков на финансовых рынках. Полагаем, однако, что наш диагноз дополнил общий поиск. Тем более что ряд тенденций, лишь только зарождавшихся в 2018 г., буквально за считанные месяцы обрели качество новой политико-экономической реальности.

Прежде всего, это касается замедления общемирового роста. Всерьез о нем заговорили еще прошлым летом на фоне очередного усиления торгово-тарифной напряженности между США и Китаем. Оно и понятно, коль скоро на их долю приходится треть глобального ВВП. В Банке международных расчетов тогда предупредили о приближении «идеального шторма» в мировом финансовом хозяйстве и нарастающей угрозе распада самой субстанции текущего формата глобализации. С осени 2018 г. начался регулярный пересмотр прогнозов мировой макродинамики с явным доминированием «медвежьих настроений» и повторяемой констатации: глобальный рост прошел свой пик, начинается сползание к новому спаду.

Как менялись оценки, например, у МВФ, можно увидеть в приведенной таблице:

Динамика прогнозов МВФ по темпам прироста ВВП

	Темпы прироста ВВП, %				Разница с прогнозом на январь 2019 г. (п.п.)		Разница с прогнозом на октябрь 2019 г. (п.п.)	
	2017 факт	2018 факт	Прогноз на апрель 2019 г.		2019	2020	2019	2020
Мир	3,8	3,6	3,3	3,6	-0,2	0,0	-0,4	-0,1
Развитые страны	2,4	2,2	1,8	1,7	-0,2	0,0	-,3	0,0
США	2,2	2,9	2,3	1,9	-0,2	0,1	-0,2	0,1
Соединенное Королевство	1,8	1,4	1,2	1,4	-0,3	-0,2	-,3	-0,1
Еврозона	2,4	1,8	1,3	1,5	-0,3	-0,2	-0,6	-0,2
Германия	2,5	1,5	0,8	1,4	-0,5	-0,2	-1,1	-0,2
Япония	1,9	0,8	1,0	0,5	-0,1	0,0	0,1	0,2
Страны с формирующимися рынками и развивающиеся страны	4,7	4,5	4,4	4,8	-0,1	-0,1	-0,3	-0,1
Китай	6,9	6,6	6,3	6,1	0,1	-0,1	0,1	-0,1
Индия	6,7	7,1	7,3	7,5	-0,2	-0,2	-0,1	-0,2
Россия	1,5	2,3	1,6	1,7	0,0	0,0	-0,2	-0,1
Бразилия	1,1	1,1	2,1	2,5	-0,4	0,3	-0,3	0,2
ЮАР	1,3	0,8	1,2	1,5	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2

Источник: МВФ, Перспективы развития мировой экономики, апрель 2019 г.

В мае и июне 2019 г. к ощущениям дискомфорта новые краски добавили ОЭСР и Всемирный банк, уменьшив ожидания по мировому темпу еще на 0,1 п.п. и одновременно либо умерив, либо оставив без изменений оценки-предположения по всем ведущим экономикам мира¹. Ситуация действительно требует предельного внимания: два года назад подъем испытывали (расчеты персонала МВФ) страны, создававшие 75% глобального ВВП, в 2019 г. торможение покажут национальные хозяйства с 70%-й долей в общемировом экономическом результате².

Такая перспектива, понятно, не может не сказываться на состоянии финансовых рынков, давно созревших для масштабной коррекции (несколько подобных эпизодов уже имели место). Фундаментальной неустойчивости добавляет растущий левверидж — к концу 2018 г. его общий объем в мире достиг 318% глобального ВВП; при этом у корпоративного сектора он с 2008 г. удвоился. Закредитованность компаний повышает их дефолтные риски и снижает инвестактивность. Далеко не случайно прямые иностранные инвестиции в мире в целом сократились в 2018 г. на 27% (по оценке ОЭСР).

Монетарные анаболики центробанков для поддержки рынков тоже в дефиците. У ЕЦБ и Банка Японии отрицательные ставки. Ресурсы их новых снижений еще сохраняются у регуляторов в США и Китае. Но эти возможности ограничены (нынешние 2,25—2,50% у Федрезерва, например, уже вдвое меньше, чем в 2008 г.) и привязаны к ожиданиям того, что будет происходить на фронтах торговой, а теперь еще и технологической американо-китайской «войны», вокруг которой уже завязался настоящий gordiev узел уязвимостей международных обменов, финансовых и товарных рынков, а также потенциального выпуска практически во всех главных экономиках («дело Huawei» — первая тому ласточка).

По расчетам МВФ, в 2013—2017 гг. потенциал глобального роста уже был примерно на 1 п.п. ниже, чем десятилетием ранее, вследствие слабых темпов производительности и капвложений в основной капитал, а также

¹ См. подробнее: OECD, Interim Economic Outlook, May 2019; World Bank. Global Economy Prospects: Heightened Tensions Subdued Investment, June 2019; <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects>

² К. Лагард. Непростая ситуация в мировой экономике: три приоритетных направления действий. (Выступление в Торговой палате США, 2 апреля 2019 г.); <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2019/03/29/sp040219-a-delicate-moment-for-the-global-economy>

старения населения³. Наблюдаемое сейчас замедление — во многом закономерное следствие этих структурных ограничений. Обмен тарифными ударами может добавить резкости торможению. В Bloomberg Economics подсчитали: если 25%-е пошлины будут распространены на весь торговый оборот между США и КНР, а рынки отреагируют на это хотя бы 10%-м падением цен на акции (оно может быть и более глубоким), то к 2021 г. (ожидаемому пику влияния события) ВВП сократится на 0,9% в Китае, на 0,7% в США, на 0,6% в мире в целом (см. новостную ленту агентства от 27 мая 2019 г.). Заметим, что этот числовой ряд воспринимается как оптимистический взгляд в будущее, так как не учитывает эффекты от уже наблюдаемого разрушения цепочек добавленной стоимости как для «воюющих» сторон, так и для их партнеров (в апреле 2019 г. японский экспорт, к примеру, снижался пятый месяц подряд).

Впрочем, вероятность компромисса (и даже их череды), как показал саммит «Группы двадцати» в Осаке, пока остается немалой. Главная причина — нарастающая уязвимость обеих экономик под напором уже вполне внятных последствий самоуверенности конфликтующих сторон. Подталкивать к перемирию будут и внутривнутриполитические факторы: в США — кампания по президентским выборам 2020 г., в Поднебесной — накопление неоднозначных социальных издержек происходящего замедления роста (не исключено, что до менее 6% в 2020 г.) с усиливающимися рисками массовых дефолтов на фоне ухудшения внешнеторговых позиций (в 2018 г. профицит счета текущих операций сократился более чем втрое до 49,1 млрд долл.).

Напомним, что возможности денежно-кредитного и фискального стимулирования в обеих странах ограничены. У Китая их, правда, несколько больше. В Соединенных Штатах ситуация более проблемная — бюджетный дефицит около 1 трлн долл., госдолг к концу лета вновь достигнет установленного потолка, при этом кривая доходностей UST приобрела (второй раз с начала года) инверсионный вид, когда у коротких бумаг (например, трехмесячных бондов) она выше, чем у долгосрочных (10-летних и с большим сроком). По историческому опыту, такая «картинка» — сигнал, что

³ См. подробнее: М. А. Кёсе, Ф. Онсорге, Н. Сугавара. Загадка прогнозов роста. — «Финансы и развитие. Ежеквартальный журнал МВФ», март 2019 г., стр. 52—55; <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2019/03/pdf/technology-and-long-term-growth-forecasts-kose.pdf>

экономика встретится с рецессией на горизонте 6—24 месяцев. В Федрезерве не исключают, что квартальные темпы ВВП в конце первого полугодия 2019 г. могут замедлиться примерно вдвое против 3,1% в январе-марте. Снижение базовой ставки рассматривается как вполне рабочий сценарий.

Компромиссы в этих обстоятельствах возможны и желательны. Вместе с тем, международные эксперты склонны рассматривать их как паллиатив, констатируя, что при справедливости многих взаимных претензий обе стороны по сути (а не в политических декларациях) почти ничего не делают для действительной перезагрузки правил международной торговли, что, в свою очередь, способно открыть шлюзы структурных трансформаций для большинства участников глобального хозяйства. Между тем, текущий кризис ВТО вызрел и без торговой войны вследствие тектонических подвижек в содержании трансграничных экономических обменов.

Так, с начала века наблюдается опережающий рост торговли услугами (и данными) по сравнению с оборотом «физических» товаров. Причем услуги уже сопровождают весь жизненный цикл последних, начиная доминировать в цепочках добавленной стоимости нового поколения. Кратно (по меньшей мере втрое к уровню 2000 г.) увеличилась их технологическая составляющая — расходы на НИОКР, нематериальные активы и защиту интеллектуальной собственности⁴. На этой основе на глобальные рынки выходит все больше малых и средних компаний (так называемый эффект *minimultinationals*), что также требует ревизии многосторонних правил мирового торгово-экономического общежития.

Синергия рисков замедления глобального роста и международной торговли, по мнению многих экспертов, уже готова материализоваться новым спадом в макродинамике современного мира. При обилии предположений по конкретному сроку консенсус-ожидания — конец 2020 г. — первая половина 2021 г. При этом не утихают споры о том, какое новое качество *raх есоnomіса* и с какой скоростью сложится за этим рубежом. Один

⁴ По оценкам, их доля в «цепной» добавленной стоимости в настоящее время либо уже весомая (36% в машиностроении), либо определяющая (80% в фармацевтике). На интенсивность тренда указывает и тот факт, что арбитражем затрат на рабочую силу определяется лишь 18% объемов товарного потока в рамках ЦДС. См. подробнее: *Globalization in transition: The future of trade and value chains: Report / McKinsey Global Institute, January 2019; <https://www.mckinsey.com/featured-insights/innovation-and-growth/globalization-in-transition-the-future-of-trade-and-value-chains>*

«клан» аналитиков считает, что очередной мировой кризис будет менее глубок, чем Великая рецессия 2008—2009 гг., но неизбежно перерастет в длительную депрессию. Другие уверены: случится резкий шок, после которого начнется «время новых правил» с упором на структурную политику и ее координацию, хотя бы в рамках «Группы двадцати». Сбываемость сценариев примерно равновероятна.

Вместе с тем, «противоположности» сходятся. Во-первых, в представлениях о необходимых содержательных переменах в экономической и социальной политике. В нашей книге этот процесс назван «глобальным регулятивным мейнстримом». Просматриваются в нем и новые черты: наряду с более четким пониманием ограниченности монетарных и фискальных стимулов (уверенности этому добавляет погружение регуляторов в детали управления потоками капитала и тяготение к полицентричности в мировой валютной системе) приоритетность структурных реформ получает все более очевидное социальное измерение, обусловленное усилением неравенства, сокращением численности и ухудшением качества жизни среднего класса⁵, ростом популистских настроений по всему периметру политического спектра. Отражение этого — превращение идеи «нового общественного договора» в предмет экспертного дискурса⁶.

Второе поле «сходимости» ожиданий по поводу будущего экономических структур и институтов еще важнее. Натиск новой индустриальной революции уже вызывает перемены многих традиционных видов бизнеса и занятости. В следующем десятилетии эти процессы многократно ускорятся, став важнейшей движущей силой структурных трансформаций, создающих новый облик глобального хозяйства.

По оценке McKinsey Global Institute, потенциал новой «экономики данных», базирующейся на цифровых технологиях, в настоящее время в

⁵ По данным ОЭСР, на пике в 1985 г. совокупный доход среднего класса в развитых странах был в 4 раза больше, чем у самых богатых жителей, сейчас — меньше чем в 3 раза. В середине 1980-х семье из среднего класса на покупку квартиры в 60 кв. м в столице своей страны было достаточно шестилетнего дохода, теперь — десятилетнего. Среди поколения бэби-бумеров к среднему классу относилось 70% в возрасте 20—30 лет, у миллениалов (1980—2000 гг. рождения) эта доля сократилась до 60%. См.: Сокращение среднего класса угрожает росту мировой экономики. — «Ведомости», 15 апреля 2019 г.; <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/14/799104-sokraschenie-srednego-klassa>

⁶ См. подробнее: журнал МВФ «Финансы и развитие» за декабрь 2018 г.; <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2018/12/index.htm>

Европе используется на 12%, в США — на 18%. Эксперты, однако, уверены — прорыв близок. Уже к 2025 г. в мире будет накоплено 163 зеттабайт информации — в 10 раз больше, чем в 2016-м. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) к 2030 г. так или иначе будут использовать 70% всех компаний в мире, а 50% станут работать со всем спектром возможностей ИИ. Экономический эффект, согласно расчетам, достигнет 13 трлн долл., добавляя 1,2% ежегодно к объему глобального ВВП⁷.

Прогнозы на близкую перспективу тоже впечатляют. Аналитики консалтинговой компании IDC ожидают, что мировые ассигнования на цифровую трансформацию в 2019 г. составят 1,25 трлн долл., а уже в 2020-м не менее 55% компаний в мире можно будет отнести к «настроенным на цифровизацию»⁸. Внятно различимый признак наступления новых экономических смыслов — прогресс финансовых технологий. Их взрывное распространение (включая блокчейн, криптовалюты, токены и т. п.), стирая классические границы между сегментами финрынков, поставили в мировую повестку вопросы о перезагрузке функций центральных банков и других регуляторов. То же самое уже коснулось контрольно-надзорной деятельности государств, мониторинга бюджетных расходов и доходов, адресности и эффективности социальной поддержки, снижения издержек налогового администрирования (внедрение блокчейна, например, позволяет взимать НДС лишь один раз в конце цепочки «переделов») и многого другого.

Россия осваивается в этих трендах⁹, идя к главной «перемене смысла» — созданию новой модели развития, где основным его источником вместо

⁷ См. подробнее: А. Грамматчиков Хайп на триллион. — «Эксперт», 2019, №15, 8—14 апреля, стр. 44—46.

⁸ IDC: к 2022 году на цифровую трансформацию потратят \$2 трлн. — «Вести. Экономика», 13 ноября 2018 г.; <https://www.vestifinance.ru/articles/110070>

⁹ По версии исследования EMEA Digital Banking Maturity, проведенного в 2018 г. международной консалтинговой компанией Deloitte, Россия вошла в «топ-5» лидеров цифрового банкинга в регионе «Европа, Ближний Восток и Африка». Вместе с тем, нефинансовый сектор отстает от общемировой скорости. Эксперты обычно выделяют 8 ключевых цифровых технологий (всего их более 150): блокчейн, дроны, интернет вещей, робототехника, 3D-печать, виртуальная реальность, дополненная реальность и искусственный интеллект. По результатам опроса советов директоров, инициированного в 2018 г. PwC, 37% российских компаний не используют ни одну из «большой восьмерки». При этом уже 21% имеют специальные цифровые стратегии. Налицо серьезный риск усиления «цифрового бизнес-неравенства» (см. П. Смертина, М. Подцероб. Почему российским директорам не нужны прорывные технологии. 37% компаний не используют никаких новых технологий. — «Ведомости», 12 сентября 2018 г.;

природной ренты становятся рост совокупной факторной производительности труда и человеческий капитал. Путь этот многосложен и абсолютно нетривиален с учетом уже сложившихся генетических мутаций в экономике страны и практиках ее госрегулирования.

Логика политики ускорения социально-экономического развития России¹⁰

Согласно, напомним, текущему официальному прогнозу правительства, темпы роста за шесть лет должны увеличиться более чем вдвое: с 1,3% в 2019 г. до 2,0% в 2020 г., затем до 3,1% в 2021-м и далее насчитывать 3,2—3,3% в 2022—2024 гг. Инфляция на всем этом горизонте остается на уровне

<https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/09/12/780615-ne-nuzhni-prorivnie>). О сдержанных темпах распространения цифровых (например, программных) продуктов говорит и тот факт, что экспорт российского софта и IT-услуг растет быстрее продаж внутри страны: в 2018 г. общая выручка разработчиков в России составила 16,9 млрд долл., в том числе экспортная — 10 млрд долл. (С. Ястребова. Экспорт софта и IT-услуг растет быстрее внутренних продаж. — «Ведомости», 7 февраля 2019 г.; <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/02/07/793496-eksport-softa>).

¹⁰ См. подробнее: Н. Масленников. К новой модели развития — актуальная повестка экономической политики. В кн.: Проблемы российской экономики после перехода к рынку / РЭУ им. Г. В. Плеханова. Под ред. Я. Уринсона. М., 2019, стр. 167—181.

4%-й цели, инвестиции в среднем растут вдвое быстрее чем в текущем году (3,1%), промвыпуск стабильно увеличивается на 3,0% в год (тоже в среднем), цена Urals снижается с 63,4 долл. за баррель до 53,5 долл., курс рубля плавно слабеет с 65,1 до 68,6 руб. за доллар, счет текущих операций платежного баланса сокращается с 91 млрд долл. до 34 млрд долл.¹¹

Оценки в российском экспертном сообществе много сдержаннее. В апрельском консенсус-прогнозе Центра развития НИУ ВШЭ на темп 2,0% ВВП страна выходит лишь к 2024 г., «разгоняясь» до 2,2% только в 2025-м. В 2020—2023 гг. рост остается в пределах 1,7—1,9%, не выходя по сути за пределы потенциального выпуска, определяемого внутренними и внешними структурными ограничениями¹².

Заметим, что в этих сценариях не учтено «осложняющее обстоятельство» — возможный новый масштабный кризис в глобальном хозяйстве. Аналитики ЦМАКП, например, оценивают его вероятность в 2021—2022 гг. в 30%. При этом темп прироста ВВП России уменьшится до 0,2—0,5% в 2021 г. и до 0,5—0,9% в 2022-м¹³.

Вопросы вызывает и качественное состояние экономики на старте ее продекларированного ускорения. Повод к тому — 0,5% роста в первом квартале 2019 г. (0,7% в январе-мае) после 2,3% годового прироста ВВП-2018. В этом результате, впрочем, и по мнению экспертов, и по оценкам Минэкономразвития, примерно треть обязана «высокой нефти» и другим разовым факторам (Крымскому мосту, опережающему вводу в действие первой очереди Ямал-СПГ, гособоронзаказу и т. п.). Вклад же инвестиций в прирост ВВП снизился почти вдвое, с 1,1 п.п. до 0,6 п.п.; вклад потребления населения — почти на треть, с 1,7 п.п. до 1,2 п.п. Перенос центра тяжести в источниках роста с внутренних факторов на внешние, однако, не выглядит устойчивым на фоне замедления в глобальном хозяйстве.

¹¹ Министерство экономического развития Российской Федерации. Сценарные условия прогноза социально-экономического развития на 2019—2024 гг. Апрель 2019 г. <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9935ff6e-7656-447f-beb1-865e1344c690/09042019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9935ff6e-7656-447f-beb1-865e1344c690>

¹² «Центр развития» НИУ ВШЭ. Комментарии о государстве и бизнесе. №210, 20 мая 2019 г., стр 2; https://dcenter.hse.ru/data/2019/05/19/1506321637/KGB_210.pdf

¹³ Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 13 тезисов об экономике. Выпуск 8, 24 апреля 2019 г., стр. 56; http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2019/042019.pdf

В начале 2019 г. российская экономика как бы «зависла» между двумя состояниями. Восстановительный рост после кризиса 2015—2016 гг. (в том числе на импортозамещении и накоплении материальных запасов) уже завершился в 2018 г. Инвестиционная же фаза задерживается. Следствие этого — неорганический рост на допинговых препаратах (прежде всего, углеводородной экспансии, «стройках века» и госзакупках) в старой экономической структуре. При этом инвестиционные ресурсы все больше концентрируются в одних секторах (добывающем и отчасти финансовом), а потребности в них — на другом полюсе, в обрабатывающих производствах и агропроме.

На ухудшение качества роста намекают и другие тренды:

- доля среднего класса в России в структуре населения в 2014—2018 гг. сократилась с 60% до 47% (см. «Ведомости», 18 апреля 2019 г.);
- по оценке Росстата, доля малого и среднего бизнеса в ВВП достигла 21,9%, но в 2014—2016 гг. она ежегодно подрастала на 0,7—0,9%, начиная с 2017 г. — уже только на 0,3%;
- доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП в 2018 г. (опять же по данным официальной статистики), потеряв 0,3%, просела до 21,3%;
- экспорт-2018 высокотехнологичной продукции сократился на 17,6%, отступив на 3,8 п.п. в общей структуре заграничных поставок (см. «Эксперт», 2019, №13, 25—31 марта, стр. 16).

Перспективы быстрого разворота «вектора качества» неочевидны. По данным ФНС, по итогам первого квартала 2019 г. в сравнении с аналогичным периодом 2018-го число вновь созданных компаний уменьшилось на 21,9%; впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей — на 7,1% (см. «Коммерсантъ», 7 мая 2019 г.). Общеэкономический рост явно спотыкается о «барьер комфортности» деловой среды.

Отсюда и закономерный результат первых пяти месяцев 2019 г. — увеличение ВВП лишь на 0,7% при слабом потребительском и инвестиционном спросе (капвложения крупных и средних предприятий, наблюдаемые прямыми статистическими методами, сократились в январе-марте на 1,2%)¹⁴. И официальные, и экспертные ожидания итогов года

¹⁴ Немалую роль в замедлении сыграли средства, ушедшие из экономики вследствие повышения НДС и ускоренного выполнения программы внутренних госзаимствований. В

выглядят довольно скромно. Оценки правительства и Центробанка (а также международных экономических организаций) укладываются в интервал 1,0—1,5%, финаналитиков — 0,7—1,2% (в ряде прогнозов не исключается и технический спад до -0,1%). При этом все сценарии возможного ускорения макродинамики и оживления деловой активности во второй половине 2019 г. ставят их в прямую зависимость от смягчения денежно-кредитной политики (ДКП) Центробанка, увеличения бюджетных расходов и финансирования в полном объеме нацпроектов.

Первый шаг сделан — Банк России снизил ключевую ставку на 25 б.п. до 7,50% (скорректировав прогноз по инфляции с 4,7—5,2% до 4,2—4,7%) и допустил переход к нейтральной ДКП (с диапазонным значением ставки в 6—7%) до середины следующего года. Причем скорость движения будет определяться подходами к бюджетной и структурной политике. Подчеркнем, ресурс для ускорения до конца 2019 г. действительно есть. Поправки к закону о бюджете предусматривают профицит в 1,7% ВВП при том, что за январь-май он достиг 2,8% ВВП. Вместе с возвращением в экономику допдоходов от повышения НДС на круг выходит расширение расходов более чем на 1,5 трлн рублей. И этот стимул начнет работать уже в текущем году, хотя основной эффект скажется в 2020-м. Кроме того, позитивную роль должно сыграть финансирование нацпроектов на сумму 1,7 трлн рублей (на начало июня, по данным Минфина, кассовое исполнение составило лишь 28%).

Таким образом, российское хозяйство может на деле получить «инъекцию взбадривания» и благодаря этому вернуться в колею потенциального выпуска с годовым темпом в 1,5—2,0%. При этом многократно возрастет актуальность вопросов, как выйти за эти пределы и сколько потребуется для этого времени, от ответов на которые зависит и маршрут продвижения к новой модели развития, и скорость в пути следования. К середине лета 2019 г. вполне ясно проявился и главный риск в реализации замысла — разрыв логики регулятивных действий государства в жесткой сцепке стимулирующих монетарных и налогово-бюджетных мер и

Департаменте исследований и прогнозирования Банка России тоже отмечают существенную роль госрасходов: в первом квартале их объем относительно ВВП прошел десятилетний минимум (см. «О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования Банка России», №4 (32), май 2019 г., стр. 37; https://www.cbr.ru/collection/collection/file/19803/bulletin_19-04.pdf).

структурных реформ, в первую очередь направленных на укрепление конкуренции и модернизацию госсектора.

Среди уже очевидных проявлений, способных усилить уязвимость макроустойчивости и финансовой стабильности, — «конфликты интересов»: между неизбежной госрасходной эмиссией и достижением инфляционной цели; между предопределенностью трат из ФНБ после превышения его объема 7% ВВП и очевидным ослаблением бюджетного правила, что может повысить корреляцию курса рубля и нефтеценовых котировок; наконец (пожалуй, самое важное), между ставкой на результат, обеспечиваемой «нацпроектным управлением», и реальным уровнем бизнес-мотиваций к форсажу инвестактивности.

Между тем, из 25,7 трлн рублей, требующихся для реализации нацпроектов, на бюджеты всех уровней и государственные внебюджетные фонды приходится 18,25 трлн рублей, объем внебюджетных источников запланирован в 7,5 трлн рублей. Проекция этих затрат на достижение национальных целей-2024, однако, в настоящее время не выглядит однозначно убедительной, поскольку заявленный финансовый ресурс — это функция от назначенного к ускорению общеэкономического роста, что недостижимо без создания стимулирующей деловой среды (на основе долгосрочных, стабильных системных «правил игры» для бизнеса, формирование и запуск которых как раз и составляют содержание структурных реформ).

Без перезапуска деловой среды «нацпроектизация всей страны» не сработает. Особенно при нынешней высоте «барьера недоверия» между бизнесом и государством, обусловленным, прежде всего, избирательным законоприменением и нарастанием вмешательства правоохранителей в деятельность компаний. В «инерционной среде», по расчетам экспертов, нацпроекты способны прямо и косвенно добавлять к потенциалу роста 0,3 п.п. ежегодно¹⁵. С учетом же ее перезагрузки эффект синергии регулятивных новаций может составить, по нашей оценке, минимум 1 п.п. прироста ВВП.

Для этого, однако, необходимо выполнение следующих условий:

¹⁵ См., например: Н. Орлова. Национальные проекты: эффект на экономический рост. — «Прайм», 22 апреля 2019 г.; <https://1prime.ru/experts/20190422/829916507.html>

- перераспределение части нацпроектных ресурсов в пользу человеческого капитала (то есть, прежде всего, образования, здравоохранения, экологии, демографии и инфраструктуры)¹⁶;
- реформирование контрольно-надзорной деятельности государства (включая запуск «регуляторной гильотины» и внятные законодательные решения по декриминализации бизнеса);
- создание системы долгосрочных инвестиционных стимулов для бизнеса на основе проектных соглашений по защите и поощрению капиталовложений;
- их увязка с трехлетним планом развития конкуренции и Стратегией пространственного развития Российской Федерации;
- проведение постоянного мониторинга госзатрат и разного рода общих и особенно индивидуальных фискальных льгот и других преференций.

Выполнение без изъятий этого техминимума уже стало политико-экономическим императивом, следование которому одновременно означает выстраивание системы управления рисками разрыва логики реализации российской структурной повестки. «Долгострой» в этих делах контрпродуктивен, поскольку как минимум не способствует снижению неопределенности в отношении будущего российского позиционирования в глобальном хозяйстве. Целевое место, замыкающее «топ-5» его участников, к 2024 г. может занять лишь экономика, зримо меняющая свой нынешний облик, включая диверсификацию экспорта и его концентрацию на новых рынках, прежде всего, в АТЭС.

Индикатором интенсивности этих процессов уже несколько лет кряду является «разворот на Восток». Сдвиги действительно есть. В 2013—2018 гг. доля ЕС в структуре внешнеторгового оборота России сократилась с 49,6% до 42,7%, АТЭС — поднялась с 24,9% до 31,0% (в том числе Китая — с 10,5% до 15,7%)¹⁷. Состав экспорта, впрочем, пока вполне традиционный — большая

¹⁶ По мнению вице-премьера М. Акимов, оптимальная сумма (без рисков перегрева экономики) расходов на развитие и модернизацию инфраструктуры могла бы составить около 10 трлн руб. (то есть, в 1,5 раза выше запланированных назначений). См. подробнее: Максим Акимов: «Чиновники не доверяют частному бизнесу, а он — государству». — «Ведомости», 4 июня 2019 г. <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2019/06/04/803269-maksim-akimov>

¹⁷ Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития / ИЭП им. Е. Т. Гайдара, РАНХиГС. №5 (88), апрель 2019 г., стр. 11—14; <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2019-5-940.pdf>

часть приходится на поставки сырья и энергоносителей. Перемены, тем не менее, и об этом было четко сказано в нашей книге, возможны и ожидаемы в связи с планами опережающего развития Дальнего Востока (не менее 6% роста валового регионального продукта в год).

Намерения России на этом треке серьезны. Программа развития региона с прицелом до 2035 г. вполне способна стать в один ряд с нацпроектами. Здесь же развитие Севморпути, модернизация БАМа и Транссиба, а также комплекс стимулирующих мер, аналогичных дальневосточным, но уже в приложении к Центральной и Восточной Сибири. Для уверенного присутствия России в «азиатско-тихоокеанском центре тяжести» мировой экономики накапливается солидный потенциал. То, в какой мере и как быстро он может быть реализован, будет непосредственно зависеть от укоренения новой российской модели развития и ее открытости внешним партнерам, что называется, по всем азимутам. Примечательно, что в 2018 г. американский бизнес начал в России больше новых инвестпроектов, чем китайские компании — 33 и 19 соответственно¹⁸. Получается (на что мы также указывали в книге) — идем на Восток, приходим на Запад, и наоборот.

Это означает, что взаимозависимость как следствие целостности экономического мира в конечном счете берет свое. Понимание этого особенно важно здесь-и-сейчас, когда «жизненный цикл» нынешней модели глобального хозяйства приходит к завершению. Процесс ускоряется новыми экономическими смыслами, утверждаемыми разворачивающейся технологической революцией. Структурная неустойчивость *raх есоnотiса* отражается в том числе усилением роли геополитических рисков, влияние которых на темпы потенциального роста вполне сравнимо с уже известными его ограничениями на стороне демографии, социального неравенства, слабой динамики производительности труда, утяжеления долгового бремени и т. п.

Становление нового экономического миропорядка, назовем его постбреттонвудским, резко повышая ценность постоянных международных политических коммуникаций, требует смещение их фокуса на выработку, признание и выполнение новых правил торгово-инвестиционных и технологических обменов и следование им в

¹⁸ См. подробнее: США обогнали Китай по количеству инвестпроектов в России. — «Вести. Экономика», 6 июня 2019 г.; <https://www.vestifinance.ru/articles/120419>

национальных регулятивных стандартах и практиках. В настоящее время шкала настройки координат продвижения на этом треке сбита у всех участников глобального транзита. Поэтому крайне важно определиться с общими «правилами установления правил»¹⁹.

Выступление Президента России В. Путина на Петербургском международном экономическом форуме (7 июня 2019 г.) показало серьезность российских намерений вести заинтересованный диалог с партнерами в глобальном хозяйстве и по принципам, и по деталям решения этой задачи. Добротным подспорьем для более четкой артикуляции позиций является опыт результативных многосторонних действий, накопленный в ходе интеграционного проекта ЕАЭС, наполнения экономическим содержанием Шанхайской организации, взаимодействия в рамках БРИКС и ОПЕК+. Существенный потенциал межгосударственной координации по-прежнему заключают в себе возможности «Группы двадцати» по всему периметру «инфраструктуры» глобального управления.

Структурная перезагрузка глобального хозяйства — вызов для всех его участников. Ответ России, предполагающий одновременно повышение ее роли в экономическом мире, будет определяться, прежде всего, качеством новой модели развития. Историческая развилка на пути к ней еще не пройдена. Ближайшие два-три года станут решающими.

¹⁹ Приведем пару иллюстраций к объективным основаниям такой постановки вопроса, лежащим в цифровой реальности. По оценке «Лаборатории Касперского», за последние 12 лет число фиксируемых киберугроз в мире возросло в 700 раз (см. «Прайм», 1 ноября 2018 г.; https://1prime.ru/telecommunications_and_technologies/20181101/829396436.html). По прогнозу специалистов Сбербанка, если ситуация не изменится, то ущерб для мировой экономики от кибератак к 2022 г. может достичь 8—10 трлн долл. («Прайм», 23 января 2019 г.; https://1prime.ru/telecommunications_and_technologies/20190123/829642021.html).